

Переводы

Личность в контексте культуры

Клэр Данн

КАРЛ ЮНГ: ИЗРАНЕННЫЙ ЛЕКАРЬ ДУШИ*

(перевод с английского Алексея Лисогора)

«Mysterium Coniunctionis»

«Смирился с жизнью после гроба»

Публикация «Mysterium Coniunctionis», самой серьезнейшей книги К. Юнга, была встречена «холодным непониманием <...> по крайней мере в начале». Хотя он писал, что «смирился с жизнью после гроба», все равно признавался, что «частенько воспринимаю сам себя ходячим анахронизмом» [1].

«Когда вокруг тебя нет ни единой живой души – это не одиночество. Но вот если ты не способен связать друг с другом все кажущиеся тебе архиважными вещи или в отличии от общепринятых ты придержи-ваешься иных взглядов, то это и есть самое настоящее одиночество» [2].

Мистический аспект сексуальности

Явившись логическим продолжением его прошлых книг, «Психология трансфера», и «Психология и алхимия», подобно же им «Mysterium Coniunctionis» вынашивалась К. Юнгом не одно десятилетие. Смутная идея книги зародилась в нем еще тогда, когда он верно уразу-

* Dunne C. Carl Jung: wounded healer of soul. An illustrated biography. N.-Y.: Parabola books, 2000.

Продолжение. Начало: Развитие личности. 2007. № 2. С. 233–247; № 3. С. 239–247; № 4. С. 219–237; 2008. № 1. С. 232–242; № 2. С. 210–233; № 3. С. 211–240. № 4. С. 198–223.

мел мистический аспект сексуальности, сперва подметив его в роли *soror mystica* руководящего духа в своих отношениях с Тони Вольф, а потом – в мистической свадьбе, видения о которой посетило его во дни тяжелой болезни, когда он балансировал на грани жизни и смерти, символически изображенных в средневековой алхимии.

«И не удивительно, что сама эта идея о мистической свадьбе должна была играть такую важную роль в алхимии, поскольку то выражение, coniunctio, коим раньше было принято обозначать ее, соответствует нынешнему «химическое соединение», а вместо употребляемого современными химиками термина «сродство», которым они обозначают соединение элементов друг с другом, в Средние века использовались другие определения, главным образом выражавшие эротические взаимоотношения людей: nuptiae (свадьба), matrimonium и coniugium (женитьба и замужество), amicitia (дружба), attractio (взаимное притяжение) и adulation (флирт)» [3].

Символика индивидуационного процесса

С помощью *hierosgamos*, то есть мистической свадьбы, в «Mysterium Coniunctionis» К. Юнг синтезировал общие для алхимии, гностицизма, христианской мифологии и индийского тантризма аспекты. Он видел, что выделенные алхимиками XVI века стадии первоначального разделения и последующего объединения противоположностей соответствует индивидуационному процессу, а используемая ими символика в точности совпадает с той, что проявляется в снах, видениях и медитациях современного человека.

Свадьба как объединение разделенного целого

Прослеживалась и другая параллель: на более высокий уровень сознания человека возводит объединение прежде разделенного целого. Что внешний (видимый) объединяющий процесс, будь то секс, химия или религия, является символическим отображением внутреннего состояния унификации и трансформации. В конце концов все люди, обладая частичкой вселенского мистического опыта, соединяются Землей Всего Сущего.

Единение души и разума с телом

Согласно алхимикам, первая и вторая стадии завершались единением души и разума с телом.

«Третьей, высшей ступенью такого соединения было единения человечества с unus mundus миром первого дня творения, когда ничто еще не было «in actu», то есть поделенным на две и более составные части, до сих пор оставаясь одним целым <...> Вечной Землей всего эмпирического бытия. <...>

Третья ступень – универсальна: здесь все личное идентично supra личному atman, а индивидуальное тао тождественно всеобщему тао. <...>

Он [алхимик Дорн] нарочито ясно подчеркнул, что имел в виду вовсе не слияние человека с окружающей его средой, не адаптацию к ней, а unio mystica с этим потенциальным миром <...> Идея unus mundus основана, несомненно, на предположении, что разнообразие эмпирического мира покоится на лежащем в его основе единстве <...> [что] все и вся отличное друг от друга и неважно как поделенное все равно принадлежит одному и тому же миру. <...>

К сожалению, мы ничего не можем сказать об его совокупной природе, поскольку все это лежит вне сферы наших знаний. <...> Но одно можно утверждать точно: эта эмпирическая реальность трансцендентальна в своей основе <...>

Подноготная микрофизики и глубинной психологии в равной степени физическая и психологическая, следовательно, однозначно ни первой, ни второй, а скорее какой-то третьей, нейтральной природы, которая лишь чуть-чуть может поддаться нашему пониманию, да и то весьма смутному, ибо в сущности своей является трансцендентальной. <...> Такое трансцендентальное психофизическое объяснение полностью соответствует природе «потенциального мира». <...>

Высшая ступень – синтезе сознания с подсознанием

С психологической точки зрения третья и высшая ступень <...> будет заключаться в синтезе сознания с подсознанием. Исход их слияния, а лучше сказать, выравнивания друг под друга теоретически непредсказуем, потому что известное перемешивается с неизвестным; на практике же человек претерпевает далеко идущие изменения своего сознания – аналогичным путем атомная физика вышла из недр классической. <...>

Естественно, что этот свой психологический опыт – а очевидно, именно такой и был – нам никогда не удастся заключить в рамки рациональной концепции. Он, бесспорно означая верх совершенства и универсальности, по существу характеризовал пережитые пропорции этих состояний. Сравнить его можно лишь только с загадочной тайной unio mystica или с тао, с сущностью samadhi или с состоянием satori в дзен-буддизме, которые вводят нас в таинственную область Невообразимого с ее крайней субъективностью, где любые критерии разумного просто бессмысленны. Достаточность эмпирического опыта единодушно признают многочисленные свидетельства Запада и Востока, как настоящего времени, так и далекого прошлого, подтверждающие его стопроцентную субъективность. <...> Это тайна. Непостижимая, таинс-

твенная, мистическая тайна загадочного божественного начала – таким был, есть и будет мир психических познаний» [4].

Последнее окружение

Женская опека в старости

Помимо четверых дочерей и невестки, не оставлявших овдовевшего К. Юнга без теплой заботы и внимания, его ежедневно «опекали» еще две женщины. Рут Бэйли, их старый семейный друг, помогала вести хозяйство и «следила за мной как за маленьким дитяtkом». «Ах Вы старый обманщик! – не раз восклицала она, купившись на очевидную хитрость К. Юнга, на что тот хохотал во все горло и соглашался: – Вы абсолютно правы, моя дорогая!» [5].

Аниела Джеффи, бывшая пациентка, ставшая им с Эммой другом и затем много лет проработавшая в секретариате Института им К.Г. Юнга, была приглашена в дом в качестве личного секретаря. Обоих он одинаково предупредил:

«Не позволено обижаться на его гнев»

«По его «инструктажу» выходило, что как бы там не повернулось дело, мне ни в коем случае не позволено обижаться на его гнев, ворчание с брюзжанием и любую ругань <...>!»

В первые дни моего «секретарства» всякий раз, подавая ему отпечатанные письма на подпись, я замирала ни жива, ни мертва, пока он прочитывал их. Каждая допущенная мною опечатка вызывала у него укоризненные восклицания, сопровождавшиеся изрядной долей критических назиданий, но что за отрада мне была, ну просто бальзам на душу, когда в своем этом усердном рвении он заходил так далеко, что запутывался сам! Вскоре я научилась довольно ловко противостоять ему применяя оружие, никогда не дававшее осечки: старалась заставить его рассмеяться, что чаще всего и удавалось, сводя весь конфликт на нет. Однако же временами рвущийся из него наружу гнев был столь яростен, что даже это весьма эффективное средство уже не срабатывало и тогда мне ничего не оставалось другого, кроме как дать ему повод выпустить пары со всеми чреватými для меня негативными последствиями. Вы представить себе не можете, как же мне было трудно, даже несмотря на его «инструкцию» позволить разразиться его гневу над моею головой, через что приходилось переступить внутри себя!

К. Юнг во дворе Боллингена. 1995 г. Для 80-летнего К. Юнга одиночество было «целебным источником», а тишина – бальзамом на «истерзанную» разговорам души.

Но если мне сопутствовал успех и если на следующий день я представляла пред ним целой и невредимой и бровью не вела, словно и не было вчера никакой бури, то казалось, что нет на свете более признательного и благодарного человека нежели чем он. Не упоминая в большинстве случаев о вчерашнем срыве <...> как бы случайно сказанным словом или неожиданным поступком он обязательно давал понять, что очень благодарен вам за вчерашнее терпение. Драгоценность этих ответных чувств вмиг превращала в пищик всю вашу обиду. <...> А в редких случаях «9-бального шторма» Юнг в силу своего характера искренне просил у меня прощения.

Раздражительность обуславливалась крайней восприимчивостью

Его раздражительность обуславливалась не столько темпераментом – он был Львом по знаку Зодиака – сколько крайней восприимчивостью, одновременно обогащавшей и обременявшей его жизнь. Обогащала, потому что дала ему <...> необыкновенным образом дифференцированное сознание <...> и в то же время обузой, так как бесцеремонно хозяйничала в личной сфере, оборачиваясь обидчивостью и раздражительностью. Юнг был легко ранимым человеком и для того чтобы узнать его настоящие чувства, их нужно было беречь. <...>

Потихоньку он стал рассказывать мне о себе и о своей чрезмерной сензитивности, как, с одной стороны, она изводила его с самой ранней юности, как мешала нормальным взаимоотношениям с людьми и как из-за нее он стал неуверенным в себе, как сомневался в своих силах и как стыдился ее, а с другой – как благодаря ей он мог воспринимать такие красоты и познавать такие вещи, о которых другие люди даже не мечтают» [6].

Увлечения в короткие минуты отдыха

Как признавалась А. Джеффи, «10-часовое явление старого волшебника всегда предвосхищалось трепетным ожиданием». «Необъятная» кипа писем, документов и прочая писанина, всю жизнь бывшая для него «изрядной мукой», вместе с приемом посетителей без остатка отнимали все рабочее время. Передохнуть он мог позволить себе лишь только вечером – раскладывал пасьянсы, порой «откровенно по-жульнически помогая фортуне переложить карту на нужное место» или читал, отдавая предпочтение детективным романам. Особо выделял Ж. Сименона и произведения английских авторов, рассматривая действующего в них детектива-сыскаря «современным олицетворением алхимического Меркуриуса, как орешки щелкавшего любые загадки». Любил и хорошую научную фантастику, в чем-то даже ставя ее выше остальных книг.

Что касается музыки, то нельзя сказать, что очень уж сильно он ею увлекался. В разговоре с пианисткой Маргарет Тили он высказал мысль, что «... музыканты не понимают, с каким глубоким архетипным материалом им приходится иметь дело. Несмотря на это, в качестве терапевтического средства музыка, взятая именно на этом уровне, должна быть необъемлемой частью любого психоанализа» [7]. «Что наши фантазии и видения выражают визуальными образами, то же самое музыка озвучивает своим мелодичным языком<...> символизируя динамику развития и трансформации лейтмотивов совокупного подсознания» [8].

К. Юнг, по наблюдениям А. Джеффи, более склонялся к спиричуалсам [негритянским религиозным гимнам] и музыке Баха, Генделя и Моцарта. Струнный квартет Шуберта сразу отверг – «слишком сильные эмоции возбуждала в нем музыка», а Бетховен «будоражил его сверх всякой меры». «Бах, – говорил он другу, – разговаривает с самим Господом. И я навеки сдался в плен его чарующей музыке. Убью любого, кто будет играть его в неподобающей банальной обстановке» [9].

Надежное убежище
дома

Боллинген все также продолжал служить ему надежным убежищем, где, отдыхая от суеты мира за нехитрыми делами и играми, он полностью восстанавливал свои силы.

Вспоминает Генри К. Фиру, живший по соседству с Боллингеном:

«Его часто можно было видеть подолгу сидящим снаружи у своей башни – с помощью садовой лопатки он забавлялся с журчащим ручейком: то преградит ему дорогу в озеро, то вновь откроет ему путь... видеть размышлял над чем-то там своим за этой забавой. Старина Кун, в отсутствие хозяина приглядывавший за башней <...> однажды сказал мне: “Представляешь, вдруг кто увидит Профессора за этим занятием, не зная, что это всемирно известный ученый, что он тогда подумает, а? Наверно, что видит пред собой странноватого чудика еще чудней себя ведущего”» [10].

И только теперь Боллинген наконец-то приобрел свой законченный вид, как в материальном плане, так и символически.

«Дом стал полностью
завершенным»

«После смерти Эммы <...> меня неудержимо потянуло стать тем, кем являюсь на самом деле. Говоря языком боллингенского дома, до меня вдруг внезапно дошло, что эта маленькая его приземистая центральная секция, почти что целиком спрятавшаяся в траве, не что иное как я сам! Больше я не мог скрываться за стенами

«материальных» и «духовных» башен, поэтому в тот же год надстроил еще один этаж на «свою» эго-персональную секцию. Раньше бы ни за что не смог так поступить, посчитав такое строительство за нахально-дерзкое самоакцентирование, ну а ныне же добавочный этаж вполне логично отразил расширившееся к старости мое сознание. Дом стал полностью завершенным» [11].

«Дорогая Аниела! <...> Докрасил потолок во всем Боллингене, высек еще пару букв над входом и, что крайне важно, пустил ручьи по новым руслам подальше от башен, чтоб вода внутрь не просачивалась, отметив это дело грандиозным пиром, прикупив к нему превосходного вина. За всем этим отдохнул и умиротворился – все досады и раздражения как рукой снялись! Но не буду о грустном. Хвала небесам, что вообще ничего не ведаю о творящемся беспорядке в моей корреспонденции. Или там все же порядок? Не знаю... Просто насчет этого у меня такая дырявая память, что чаще забываю не столько обо всем сделанном, сколько о предстоящих делах» [12].

Поиск тишины и
уединения

Согласитесь, что если вам 82 года, то тишину и уединение вы будете считать наипервейшими для себя вещами. Вот и К. Юнг нее был исключением из этого правила: «по возможности всегда и везде» он всячески старался избегать любого шума, чтоб тот не мешал ему сосредотачиваться на работе и «не вынуждал бы меня тратить на него и без того истрепанные нервы». Режущий ухо шум современной техники, проигрывателей и радиоприемников, «а теперь еще и пагубное действие телевидения» он описывал как нечто «экстремное, что питает отвращением духовную сторону. То есть зло. Зло с длинными щупальцами», которыми «заглушает любые ростки внутренних инстинктивных предостережений» и «все остальное, что сопутствует духовной дезориентации нашего времени» [13].

Одиночество как
целебный источник,
возвращающий вкус
жизни

«Одиночество – это тот целебный источник, купание в котором вновь возвращает мне вкус к жизни. А вот разговоры сейчас для меня одна сплошная мука, не один день отхожу потом от пустой траты слов. Целенаправленно следуя своим маршрутом, я оглядываюсь назад лишь в самых крайних случаях – и что же вижу? А то, что нет никого, с кем подробно мог бы поделиться впечатлениями об этом своем классном путешествии. Думайте что хотите, но я вам скажу честно: даже один день, не говоря о большем сроке, общения с кем бы то ни было, пусть хоть с ближайшими моими друзья-

ями, будет просто невыносим для меня. Отдых – это тишина и молчание! С каждым днем все больше утверждаюсь в этой мысли, в то время как потребность в общении стремительно сводится на нет» [14].

(Окончание следует)

1. *Jung C.C. Letters Volume 2*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. p.299, letter to Eugen Bohler; p.233, letter to Monfred Bleuler.

2. *Memories, Dreams, Reflections* by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. New York: Vintage Books, 1989. p. 356.

3. *A Matter of Heart* film transcript, James Kirsch.

4. *Die Gesammelten Coniunctionem*, Vol. 2, pars. 760, 762, 767-771.

5. *Jung*, Brome, p. 257.

6. *Last years, Jaffe, op. cit., pp. 101, 114-115.*

7. *Jung C.C. Emma Jung*, Toni Wolff. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. p. 126.

8. *Jung C.G. Letters Volume 1*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. London: Routledge and Kegan Paul, 1972. p. 542/ letter to Serge Moreux.

9. *C. G. Jung Speaking*, op. cit., p. 249.

10. *Jung C.C. Emma Jung*, Toni Wolff. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. p. 16.

11. *Memories, Dreams, Reflections* by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. New York: Vintage Books, 1989. p. 225.

12. *Jung C.C. Letters Volume 2*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. p. 351, letter to Aniela Jaffe.

13. *Jung C.C. Letters Volume 2*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. p. 88, letter to Karl Oftinger.

14. *Jung C.C. Letters Volume 2*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. p. 363, letter to Gustav Schmalz.

